**Организация российских библиофилов
Департамент культуры и искусства Кировской области
Кировская ордена Почёта государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена
Клуб «Вятские книголюбь» им. Е. Д. Петряева**

VIII ПЕТРЯЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

г. Киров, 24–25 февраля 2005 г.

**Киров
2005**

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Коробейников А.В.</i> Вятская земля на карте ал-Идриси.....	112
<i>Мусихин А.Л.</i> Вопрос об основании города Кирова в работах А.В. Эммаусского.....	120
<i>Белых С.К.</i> К вопросу о происхождении самоназвания бесермян.....	130
<i>Шматов В.Е.</i> Князь Пожарский – человек высокой веры, чести и долга...	135
<i>Марков А.А.</i> «Расходная книга земского старосты города Хлынова И. Репина. 1678–1680 гг.» как этнографический источник.....	139
<i>Пислегин Н.В.</i> Власть и нерусское крестьянство Удмуртии в первой половине XIX века.....	142
<i>Михеева Г.А.</i> К вопросу о традициях землевладения как атрибута власти в истории Малмыжа и его окрестностей.....	151
<i>Белик А.А.</i> Численность и гильдейский состав вятского купечества в конце XVIII – первой половине XIX вв.....	153
<i>Лигенко Н.П.</i> Из истории родословия купцов Бахтияровых.....	158
<i>Рогозников О.В.</i> Г.А. Замятин – первый биограф К.А. Анфилагова.....	167
<i>Сергеев А.В.</i> Менталитет вятского крестьянства: от традиционализма к модернизации на рубеже XIX–XX вв.....	171
<i>Скутнев А.В.</i> О характере взаимоотношений Русской православной церкви и полицейско-административных органов в Российской империи до 1917 года.....	179
<i>Касимова Э.Г.</i> Православная миссия в Вятской губернии (1870 г. – начало XX в.).....	185
<i>Берестова Е.М.</i> «Вятские епархиальные ведомости» как источник информации о церковной жизни.....	193
<i>Сануков К.Н.</i> Вятский епархиальный миссионер Павел Глезденев и его просветительская деятельность.....	202
<i>Маркелов А.В.</i> К вопросу об изучении церковно-исторических трудов святителя Мелегия (Якимова).....	209
<i>Сергеева И.А.</i> Штрихи к образу Исидора Колоколова. Некоторые малоизвестные материалы к биографии повомученика.....	212
<i>Маркелов А.В.</i> Новые сведения о вятском периоде жизни епископа Исидора (Колоколова).....	222
<i>Вечтомова Ю.Е.</i> Социальный состав губернских учёных архивных комиссий.....	224
<i>Бердинских В.А.</i> Н.А. Спасский – организатор краеведческих исследований в Вятском крае.....	232
<i>Сергеев В.Д.</i> «Лишний штрих достопамятной эпохи»: Аркадий Аполлонович Чарушин.....	234
<i>Бакулин В.И.</i> Принцип национально-территориальной автономии в большевистской политике государственного строительства в период 1917 – начала 1920-х годов.....	239
<i>Ерохин А.В.</i> Поэт, переводчик, красный офицер: Хенри фон Хайзелер в Прикамье и Вятке.....	244
<i>Поздеев П.В.</i> Бумажно-полиграфическая промышленность в Вятской губернии в 1921–1929 гг.: управленческий аспект.....	249
<i>Кашина В.М.</i> «Великий перелом» в вятской деревне.....	252
<i>Гречишкин С.С.</i> «Сталин Кирова убил в коридорчике» или «Лаврентий Палыч Берия».....	261

краеведение в развитии провинциальной культуры России : материалы всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Чудовой. Киров, 17–19 ноября 2004 г.— Киров, 2004. С. 150–155.

48. Эммаусский, А.В. 1) Образование древневятских городов // *Спутник агитатора*.— Киров, 1980. № 1. С. 27–28; 2) Вятка в XII–XV веках / ЭЗВ : в 10 т.— Киров, 1995. Т. 4 : История. С. 16–17; 3) История Вятского края в XII – середине XIX века.— Киров, 1996. С. 4–5, 29–30.

49. Эммаусский, А.В. Образование древневятских городов // *Спутник агитатора*.— Киров, 1980. № 1. С. 28.

50. Там же. № 2. С. 33.

51. Бердинских, В.А. 1) Комментарии // ЭЗВ. Т. 4. С. 517; 2) А.В. Эммаусский – история феодальной Вятки. С. 25.

52. Эммаусский, А.В. История Вятского края... С. 29.

53. Ср.: Марков, А.А. Была ли древняя Вятка основана новгородцами из Великого Новгорода? // Герценка : вят. записки.— Киров, 2004. Вып. 6. С. 75.

54. Эммаусский, А.В. 1) Образование древневятских городов... № 1. С. 25–26; 2) «О вятчанех, как они поселись на Вятке» // *Спутник агитатора*. — Киров, 1983. № 20. С. 25.

55. Эммаусский, А.В. О начале города Вятки. С. 21.

56. Эммаусский, А.В. История Вятского края... С. 5–6.

57. Там же. С. 28, 30.

58. Эммаусский, А.В. Образование древневятских городов... № 1. С. 26–27.

59. Эммаусский, А.В. Вятские города 200 лет назад // *Спутник агитатора*.— Киров, 1982. № 9. С. 24. О различных датах в списках ПСВ см.: Мусихин, А.Л. Происхождение точных дат славянской колонизации Вятки в «Повести о стране Вятской» // Герценка : Вят. зап. – Киров, 2004. Вып. 6. С. 52–71.

60. Эммаусский, А.В. 1) «О вятчанех, как они поселись на Вятке». С. 22–27; 2) История Вятского края... С. 6–7.

61. Эммаусский, А.В. «О вятчанех, как они поселись на Вятке». С. 26–27.

62. См.: Мусихин, А.Л. «Повесть о стране Вятской» в документах вятских административных учреждений конца XVIII века // *Европейский Север в культурно-историческом процессе*... С. 382–383.

63. Эммаусский, А.В. 1) Вятские города 200 лет назад. С. 24; 2) Вятская земля в XIV – начале XVII века // *Хрестоматия по истории Кировской области : учеб. пособие*.— Киров, 1982. С. 5.

64. Судовиков, М.С. А.В. Эммаусский – историк-эпоха... С. 10.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ САМОНАЗВАНИЯ БЕСЕРМЯН

С.К. Белых

В настоящей работе мною затронуты некоторые аспекты происхождения самоназвания одного из малочисленных народов Волго-Уралья – бесермян, которые сегодня расселены отдельными кустами в северных и северо-западных районах Удмуртской Республики, в бассейне р. Чепцы (левого притока Вятки). Будучи близки удмуртам по языку и проживая по соседству с северными удмуртами, бесермяне, тем не менее, никогда себя с удмуртами не отождествляли и вплоть до 1930-х гг. официально считались особой народностью. Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., в СССР на тот момент проживало более 10 тыс. бесермян. Позднее бесермяне были провозглашены особой субэтнической группой удмуртского народа и лишь в 1993 г. специальным постановлением Верховного Совета Удмуртской Республики вновь были признаны

самостоятельной национальностью. Всероссийской переписью 2002 г. выявлено 3 тыс. представителей этого народа.

Единственной на сегодняшний день приемлемой этимологией самоназвания бесермян (*бесерман*) является гипотеза о том, что оно происходит от тюркского слова **busurman / *büsürmen*, которое, в конечном итоге, восходит к арабской лексеме, означающей «мусульманин»¹. Усвоение данного этнонима бесермянами в качестве самоназвания неразрывно связано с некоторыми особенностями их этнической истории.

Согласно выдвинутой В.В. Напольских гипотезе, *бесермянами* ещё в XIV–XV вв. русские источники именовали часть населения бывшей Волжской Булгарии, отличную по своей этноконфессиональной принадлежности от прочих групп населения этого края. В.В. Напольских предположил, что под этим именем скрывалась какая-то часть потомков волжских булгар, исповедовавшая ислам, но первоначально отличавшаяся по некоторым своим этническим признакам от другой части мусульманского населения бывшей Волжской Булгарии и позднее Казанского ханства, которую русские источники именуют *татарами*. В ходе постепенной кипчакизации населения этого региона, происходившей в XIV–XV вв., *бесермены* в большинстве своем слились с *татарами* и послужили одним из компонентов в формировании казанско-татарской народности. По предположению В.В. Напольских, некоторая часть болгарских *бесермен* вошла в том числе и в состав так называемых каринских (чепецких) татар².

Происхождение этой последней группы татарского народа следует, по всей видимости, выводить из Заказанья (района г. Арска). Не позднее второй половины XV в. предки чепецких татар, возглавляемые арскими татарскими князьями, переселились из района Арска в бассейн р.Чепцы, где их новым центром стало с. Карину, расположенное в низовьях реки. Следует полагать, что при этом переселении арских князей сопровождало и подвластное им население, среди которого, помимо собственно татар, были и южноудмуртские группы (предки бесермян). Не случайно поэтому наречие бесермян, давно живущих среди северных удмуртов, по многим своим отличительным особенностям сближается с южноудмуртскими диалектами, носители которых до сих пор живут в отдельных районах Заказанья³.

Уже в первой половине XVI в. среди подчиненного каринским князьям населения наряду с *арянами* (видимо – предки чепецких татар, выходцы из Арской земли), *вотяками* (северные удмурты), русскими документами упоминаются *чуваши* или *чуваши арские*. П.Н. Луппову на основе скрупулезного анализа русских письменных источников XVI–XVII вв. удалось убедительно показать, что этими названиями в них именовались предки бесермян⁴.

Думается, что наименование *чуваши* применительно к предкам бесермян использовалось вышеупомянутыми русскими документами

отнодню неслучайно. Этнографами уже давно подмечено, что в материальной культуре бесермян (особенно – в традиционной одежде) имеется много общего с традиционной материальной культурой чувашей⁵. В лексике бесермянского наречия отмечены некоторые болгаро-чувашские заимствования, отсутствующие в других диалектах удмуртского языка. Эти факты трактуются многими исследователями как следствие чрезвычайно тесных контактов предков бесермян с чувашами в прошлом⁶.

Среди существующих на сегодняшний день гипотез о происхождении этнонима *чуваш* наиболее обоснованной, на мой взгляд, является та, что возводит данный этнический термин к общетюркскому нарицательному слову со значением «мирный, тихий, спокойный, смиренный»⁷. Такая трактовка, кроме прочего, хорошо согласуется с мирным, неагрессивным характером и поведением чувашей, отличавшим в историческое время этот народ от их воинственных соседей-марийцев. Наиболее же вероятным предположением о происхождении поволжско-тюркского названия марийцев (тат. *чирмеш*, чув. *çармăс*) выглядит гипотеза о его связи с тюркским корнем **çer-* ‘сражаться, воевать’. Из этого же поволжско-тюркского источника происходит, по-видимому, и старое русское название марийцев – *черемисы*⁸.

Представляется весьма вероятным и логичным, что волжские болгары, а позднее и казанские татары подразделяли подчинённое им немусульманское население на «мирных» и «немирных» инородцев – «чувашей» и «черемисов». Таким образом, в разряд «мирных», т.е. чувашей, совершенно законно попало население правобережья Волги – Горной стороны (предки нынешних чувашей), а также немусульманское население Заказанья, Арской земли – чуваша арские. Население этого последнего района в этническом плане и в волжско-булгарскую, и в золотоордынскую эпохи, и в эпоху Казанского ханства было в этническом плане весьма пёстрым. Наряду с булгарским и кипчакским населением, исповедовавшим ислам, здесь проживали и тюркоязычные немусульманские группы, говорившие, вероятно, на языке, близком современному чувашскому, а также предки южных удмуртов и бесермян. Всю совокупность этого подвластного и платившего подати попеременно Волжской Булгарии, Золотой Орде и Казанскому ханству мирного земледельческого населения болгары и кипчаки именовали «чувашами». Переселившись на Чепцу, предки бесермян принесли туда с собой и это свое старое название.

П.Н. Луппов, исследуя проблему происхождения бесермян, обнаружил, что в русских архивных документах начала XVII в., касающихся населения Каринского стана Вятской земли, наименование чувашин иногда начинает чередоваться с названием *бесермяне*, причем в случаях, когда речь явно идет об одних и тех же людях. К середине XVII в. такое чередование этих названий значительно учащается, а во второй половине столетия термин *бесермяне* постепенно вытесняет из обращения термин *чувашин*⁹.

Каким же образом этнический термин, бывший еще в XIV–XV вв. названием какой-то особой группы потомков волжских булгар, мусульман по вероисповеданию (см. выше), к концу XVII в. стал обозначать особую пермоязычную этническую группу (более того – стал её самоназванием!), населявшую бассейн р. Чепцы, которая, к тому же, по-видимому, никогда ислам не исповедовала?

Одним из возможных объяснений причин этого феномена является толкование происхождения самоназвания бесермян, которое было предложено В.В. Напольских. По его мнению, еще на территории Арской земли булгары-*бесермены* вполне могли иметь весьма тесные контакты с некоторыми южными группами удмуртов, кои были древними жителями этих мест. Не исключено, что какая-то часть южных удмуртов, находившаяся с бесерменами в особо тесном контакте, переняла у господствующей группы определенные черты материальной и духовной культуры, а также этноним, начав называть себя словом *бесерман*. Переселившись на Чепцу вместе с арскими татарами, эта группа южных удмуртов принесла сюда и свое самоназвание¹⁰.

Не отрицая правдоподобности и неплохой аргументированности этой гипотезы, я всё же возьму на себя смелость предложить свою, которая, на мой взгляд, не столько противостоит гипотезе В.В. Напольских, сколько уточняет и дополняет её.

Нужно подчеркнуть, что особо тесные связи в давнем и недавнем прошлом предков бесермян с тюрками-мусульманами, вообще говоря, несомненны. Об этом свидетельствуют многочисленные явления языка бесермян, их традиционной материальной и духовной культуры. Весьма вероятно также, что до переселения на Чепцу предки бесермян имели длительные и тесные контакты с мусульманами Арской земли, которых русские источники XIV–XV вв. именовали *бесерменами* (см. выше). Однако все эти обстоятельства ещё не объясняют причин усвоения бесермянами своего нынешнего самоназвания.

Мне представляется весьма вероятным, что, переселившись из Арской земли на север, в бассейн р. Чепцы, и оказавшись в новом для себя этническом окружении, предки бесермян стали испытывать необходимость в новом самоназвании для того, чтобы как-то особо позиционировать себя в этой новой этнической обстановке. По ряду причин этноним *чуваши* для этой роли подходил плохо. Во-первых, на Чепце исчезла сама необходимость в противопоставлении «*чувашей*» и «*черемисов*» ввиду полного отсутствия последних как таковых. Во-вторых, этнический термин *чуваши* в XVI–XVII вв. окончательно закрепляется за складывающимся в Среднем Поволжье чувашским народом в его современном понимании. Посему название *чуваши* по отношению к предкам бесермян к концу XVII в. окончательно становится неактуальным и «устаревшим» и постепенно вытесняется термином *бесерман* с его фонетическими вариантами.

По-видимому желая утвердить в своём сознании и сознании соседей своё отличие от местных старожилов – северных удмуртов, предки бесермян стали всячески подчеркивать то, что они являются выходцами из Заказанья, из земли, где живут *бесермены* (т.е. мусульмане). По свидетельству Сигизмунда Герберштейна, ещё в первой половине XVI в. казанские татары предпочитали называться *besermani*¹¹. Широко известно, что многие казанские татары вплоть до конца XIX в. считали название *татары* обидным, предпочитая именовать себя *казанцами*, *булгарами* и, в частности, *мусульманами*. Активные связи, которые каринские татары (а через них – и бесермяне) поддерживали с Казанью и окрестными землями, должны были весьма способствовать долгому сохранению среди бесермян и их соседей исторической памяти о южном, заказанском, «бесерменском» происхождении этого народа.

Предлагаемая версия вполне согласуется с законами номинации этнических групп, принятых в удмуртском языке. Так, например, соседи бесермян – удмурты территориальной группы *Ватка*, будучи изначально жителями Вятской земли, получили свое название от русского слова *Вятка*. Причём, в удмуртском языке термин *Ватка* мог означать не только реку и г. Вятку, Вятскую землю, но население этой земли – *вятчан* (ср. удм. *Ваткаос кузонъёсыз вормиллям* «Вятчане казанцев победили»¹²). Являясь изначально составной частью населения Вятской земли, удмурты-*Ватка* и получили в результате это название.

Удмурты другой территориальной группы – *Калмез* – также получили своё наименование по основному месту своего проживания – бассейну р. Кильмезь (удм. *Калмез шур*, левый приток р. Вятки). По поводу происхождения этнонима *Калмез* исследователями выдвигались самые разные предположения и гипотезы, к чему приложил руку и автор этих строк. Предложенная мной гипотеза о связи названия *Калмез* с удмуртским апеллятивом *кылемез* «остаток»¹³ сегодня смело может быть признана такой же ошибочной, как и прочие гипотезы, а посему происхождение данного этнонима по-прежнему остается неразгаданным. Однако уже сегодня можно утверждать, что этноним *Калмез* является производным от гидронима названия р. Кильмези, а тот, по-видимому, в свою очередь происходит от какого-то тюркского корня¹⁴.

Таким образом, предлагаемая здесь гипотеза, с одной стороны, ещё раз подчеркивает тесную связь происхождения предков бесермян с Заказаньем, Арской землей, а с другой стороны, указывает на возможное длительное сохранение этой связи в исторической памяти бесермян и их соседей.

Примечания

1. Напольских, В.В. Введение в историческую уралоистику.— Ижевск, 1997. С. 52–53; Напольских, В.В. «Бисермины» // О бесермянах : сб. ст.— Ижевск, 1997.

2. Напольских, В.В. «Бисермины»... С. 51.

3. Кельмаков, В.К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция.— Ижевск, 1987. Т. 1.
4. Луппов, П.Н. О бесермянах // О бесермянах : сб. ст.— Ижевск, 1997. С. 22–23.
5. Белицер, В.И. К вопросу о происхождении бесермян // Тр. института этнографии.— М.; Л., 1947. Вып. I.
6. Там же; Напольских, В.В. «Бисерминны»... С. 51 и др.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка.— СПб., 1996. Т. 4. С. 376;
- Räsänen, M. Versush eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischsprachen.— Helsinki, 1969. S. 175.
8. Напольских, В.В. Введение в историческую уралоистику.— Ижевск, 1997. С. 42.
9. Луппов, П.Н. Указ. соч. С. 23.
10. Напольских, В.В. Введение в историческую уралоистику. С. 53.
11. Герберштейн, С. Записки о московитских делах.— СПб., 1908. С. 151.
12. Архинов, Г.А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия.— Ижевск, 1978. С. 37.
13. Бельх, С.К. Об этнониме «Калмез» // Вордском кыл.— Ижевск, 1992. № 3.
14. Напольских, В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта.— Ижевск, 2001. С. 132.

КНЯЗЬ ПОЖАРСКИЙ – ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОЙ ВЕРЫ, ЧЕСТИ И ДОЛГА

В.Е. Шматов

Имя русского князя Дмитрия Михайловича Пожарского навсегда войдёт в историю нашей Родины как имя человека, любившего великой любовью свою Отчизну и сделавшего всё возможное, чтобы не допустить её порабощения иноземными захватчиками. Прослеживая весь его жизненный путь по дошедшим до наших дней источникам информации – летописям, сказаниям, разрядным книгам, государственным актам, высказываниям его современников и т.д., не перестаешь удивляться, как же многогранен был образ этого воистину замечательного человека, великого гражданина многострадальной Руси.

Родился Д.М. Пожарский в семье одного из потомков Рюриковичей. Его отец, Михаил Фёдорович Пожарский – потомок в 13 колене великого князя Суздальского и Владимирского, а затем и великого князя Киевского Юрия Владимировича Долгорукого. Его мать, Евфросинья Фёдоровна Беклемишева, была из старинного дворянского рода. Обвенчалась она с Михаилом Фёдоровичем в 1571 г. В то время на Руси правил царь Иван IV (Грозный). По-видимому, Михаил Фёдорович на государственной службе не служил, так как в разрядных книгах того времени, по отзывам историков, он нигде не просматривается. Прожил он вместе с Евфросиньей Фёдоровной сравнительно недолго, так как в августе 1587 г. скончался.

Можно предположить, что до своей смерти Михаил Фёдорович со своей семьей жил в одном из своих имений, скорее всего, в Суздальском уезде, так как и похоронен он был в родовой усыпальнице князей Пожарских – в Спасо-Евфимьевом монастыре Суздаля. Интересен тот факт, что на помин своей души князь завещал Спасо-Евфимьеву монастырю одну из своих деревень и купчую на эту деревню, переданную монастырю после смерти князя, подписал лично его сын Дмитрий, хотя ему было всего лишь